

Н. Гоголь

**Наброски, альбомные
записи**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Г58

Г58 **Гоголь Н.В.**
Наброски, альбомные записи / Н. Гоголь – М.: Книга по Требованию, 2021. –
108 с.

ISBN 978-5-4241-1538-7

Наброски, заметки, альбомные записи Н. В. Гоголя

ISBN 978-5-4241-1538-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Н.В. Гоголь, 2021

Николай Васильевич Гоголь
Наброски, альбомные записи

<КЛАССНЫЕ СОЧИНЕНИЯ.>

<1.> О ТОМ, ЧТО ТРЕБУЕТСЯ ОТ КРИТИКИ

(Из теории словесности)

Что требуется от критики? вот вопрос, которого решение слишком нужно в наши времена, когда благородная цель критики унижена несправедливыми притязаниями, личными выходками и часто обращается в позорную брань — следствие необразованности, отсутствия истинного просвещения. Первая, главная принадлежность, без которой критика не может существовать, это — беспристрастие, но нужно, чтобы оно правилось умом зорким, истинно просвещенным, могущим вполне отделить прекрасное от не изящного. Критика должна быть строга, чтобы тем более дать цены прекрасному, потому что просвещенный писатель не ищет безотчетной похвалы и славы, но требует, чтобы она была определена умом строгим и верно понявшим его мысль, его творение; она должна быть благопристойна, чтобы ни одно выражение оскорбительное не вкралось, через то уменьшающее достоинство критики и заставляющее думать, что рецензентом водила какая-нибудь вражда, злоба, недоброжелательство. Следственно, отсутствие личности также необходимо для критики. Наконец, последнее: нужно, чтобы пером рецензента или критика правило истинное желание добра и пользы, оно должно одушевлять все его изыскания и разборы и быть всегда его неизменным водителем, как высокий, божеский характер души просвещенного мыслителя.

<2.> ИЗЛОЖИТЬ ЗАКОННЫЕ ОБРЯДЫ АПЕЛЛЯЦИИ, КАК ИЗ НИЖШИХ ИНСТАНЦИЙ В ВЫСШУЮ И В ДЕПАРТАМЕНТ СЕНАТА (Из русско-го права)

Когда недовольны решением присутственных мест нижших инстанций, тогда имеют право подавать прошение в инстанцию высшую — в гражданскую палату в том, что дело их право и резолюция нижших инстанций несправедлива — это называется апелляцией. При внесении ее в гражданскую палату нужно внести и пошлину исковых 12 рублей, после чего гражданская палата требует из нижней инстанции всё дело и решит сама. Но прежде еще внесения апелляции он должен внести в нижшую инстанцию 25 рублей в залог. Если недоволен и решением гражданской палаты, тогда имеет право апеллировать в сенат, внесши в гражданскую палату в залог 200 рублей. Вместе с апелляцией он представляет и свидетельство о том, что апелляционный иск производился в срок, положенный для сего. Сенат, взыскавши 12 пошлинных, принявши апелляцию и свидетельство, судит в собрании сената единогласно; когда же нет, собирает чрезвычайное общее собрание, и решится большинством голосов, когда две трети согласны. Но если генерал-прокурор не согласен с сенаторами, то от него требуют изложение причин, после чего он решит уже сам или обще с государственным советом.

<3.> В КАКОЕ ВРЕМЯ ДЕЛАЮТСЯ СЛАВЯНЕ ИЗВЕСТНЫ

Трудно и почти невозможно отдернуть темный непроницаемый занавес истории первоначального происхождения славян. Обширная страна, известная в древности под именем Скифия, потом Сарматия, отечество славян, была попеременно селима и опустошаема варварскими народами. После ужасных опустошений свирепого Аттилы, когда владычество гуннов было потрясено уграми, венграми и аvaraми, в XI веке начинают появляться славяне. Жестокие, зверские на войне, но великодушные в мире, они скоро сделались ужасом всей греческой монархии. С сего времени они почти беспрестанно громили ее провинции и самые стены Константинополя. Императоры не отваживались входить с ними в неравную битву. Самые великие полководцы Велизарий и Нарцесс, несмотря на свою доблесть и храбрость испытанную, мало сделали, одно только золото Юстиниана могло умиловить сих грозных неприятелей. Но славяне в скором времени начали искать жилищ постоянных. Часть из них заняла земли Дунайские, другая подалась на север к Балтийскому морю, где впоследствии основан Новгород. Разные именованья носили в это время славяне по местам своего расселения. Поселивш<иеся> по реке Бугу назывались бужане, в лесах и дебрях непроходимых жили древляне. Поляне получили название от ровных и необъятных полей своих, радимичи и вятичи от двух их главных предводителей — Радима <и> Вятка. Кроме того, были известны под именем дроговичей, дулебов, северян, обитавших в нынешней Черниговской губернии. Около сего времени славяне славились своим гостеприимством. Летописцы с восторгом повествуют о таковой их добродетели. Встретившегося путника, пришедшего у них просить ночлега, хотя <бы> был то сам неприятель, принимали с радушием. Открывали даже дома свои во весь день, когда уходили, и ставили на столе хлеб для проходящих странников. Любили войну и сохраняли вполне все рыцарские добродетели. Были все рослы, стройны, имели волосы русые, спадавшие кудрями по плечам. Лица были смуглы, но не по природе, с ранних лет они уже загорали солнцем, находясь вечно на звериной ловле. С XII <века>, когда норманы и другие север<ные> народы, известные под именем варяг, распространили свои удалые разъезды по берегам Балтийского моря и начали посещать славян, они начали приметно улучшаться в образовании, ибо норманы, распространившиеся по всей Европе и видевшие всё лучше, сообщили славянам свое знание. Но еще более упрочилось их просвещ<ение> со времени, когда письмена, принесенные в Моравию Кириллом и Мефодием, достигли их. До пришествия Рурика уже основалась независимая республика славян в Новгороде, и славяне управлялись законами, вероятно, норманскими, но уже по тогдашнему их состоянию можно было предсказать будущие их благоденствие и славу.

<ОТРЫВКИ, НАБРОСКИ, ПЛАНЫ.>

<ХРОМОЙ ЧОРТ.>

Малороссияне той веры, что в аде хитрее всех и умнее хромой (крывый) чорт. Думаю, всякому малороссиянину известен анекдот про солдата, попавшегося, за грехи, по смерти в пекло и насолившего так крепко чертям, что они не находили никаких средств выгнать его вон. Гурьбою обратил<ись> к кривому чорту, жалуюсь: що проклятый москаль усе пыше по стинам хрести та монастири, так що доброму человеку ни як не можно жить у пекли. Хромой чорт, услышавши, на другой день чуть свет надел барабан, ударил под пеклом зорю. Солдат, услышавши зорю и схвативши амуницию, в одно мгновение выбежал вон, и таким образом избавились черти от такого неугомонного гостя.

1834 ГОД

Великая торжественная минута. Боже! Как слились и столпились около ней волны различных чувств. Нет, это не мечта. Это та роковая неотразимая грань между воспоминанием и надеждой. Уже нет воспоминания, уже оно несется, уже пересиливает его надежда... У ног моих шумит мое прошедшее, надо мною сквозь туман светлеет неразгаданное будущее. Молю тебя, жизнь души моей, мой гений. О не скрывайся от меня, пободрствуй надо мною в эту минуту и не отходи от меня весь этот, так заманчиво наступающий для меня год. Какое же будешь ты, мое будущее? Блистательное ли, широкое ли, кипишь ли великими для меня подвигами или... О будь блистательно, будь деятельно, всё предано труду и спокойствию! Что же ты так таинственно стоишь предо мною 1834-й <год>? — Будь и ты моим ангелом. Если лень и бесчувственность хотя на время осмелятся коснуться меня, о разбуди меня тогда, не дай им овладеть мною. Пусть твои многоговорящие цифры как неумолкающие часы, как завет стоят передо мною, чтобы каждая цифра твоя громче набата разила слух мой, чтобы она, как гальванический прут, производила судорожное потрясение во всем моем составе. Таинственный неизъяснимый 1834 <год!> Где означу я тебя великими труда<ми>? Среди ли этой кучи набросанных один на другой домов, гремящих улиц, кипящей меркантильности, этой безобразной кучи мод, парадов, чиновников, диких северных ночей, блеску и низкой бесцветности? В моем ли прекрасном, древнем, обетованном Киеве, увенчанном многоплодными садами, опоясанном моим южным прекрасным, чудным небом, упоительными ночами, где гора обсыпана кустарниками с своими как <бы> гармоническими обрывами и подмывающий ее мой чистый и быстрый мой Днепр. Там ли? О! Я не знаю, как назвать тебя, мой гений! Ты, от колыбели еще пролетавший с своими гармоническими песнями мимо моих ушей, такие чудные, необъяснимые доньше зарождавший во мне думы, такие необъятные и упоительные лелеявший во мне мечты. О взгляни! Прекрасный, низведи на меня свои чистые, небесные очи. Я на коленях, я у ног твоих! О не разлучайся со мною! Живи на земле со мною хоть два часа каждый день, как прекрасный брат мой. Я совершу... Я совершу! Жизнь кипит во мне. Труды мои будут вдохновенны. Над ними будет веять недоступное земле боже-

ство! Я совершу... О поцалуй и благослови меня!

<ЧТО ЭТО?>

Что это? Мне всё как будто слышится чей-то голос. Ох! Деревья как будто движутся, каждый листок шепчет. На всякого луна как будто нагибается и слушает. Черный мрак как будто выходит из гущи деревьев и хочет схватить меня. Ах, чего вы хотите от меня, что вы глядите на меня, что вы грозите на меня? Что же мне делать, я не могу, я не своя, близ его только сердца я могу успокоиться. Константин, Константин!

— Ну что ты теперь скажешь о добродетели женщин, а? То-то, братец, никогда не бейся, особливо со мною. Мне даже было несколько жаль прельстить ее, но чтоб тебе доказать только и проучить, решил я это сделать.

— И у тебя нет совести, так полно говорить об этом.

— Почему ж, если бы она была какая замарашка, мещанка или обыкновенная курносенькая, краснощекая, каких дюжинами господь посылает, тогда другое было бы дело, но эта, братец, никому бесчестья не сделает. Хорошенькой я очень рад, я всегда, не краснея, похваляюсь ею!

Боже, ты правосуден, ты великодушен, этому ли ангелу оставить землю, этому ли ангелу пошлет рука твоя смерть! Нет, ты не произнесешь рокового определения. Нет, ты сохранишь эту бесценную жизнь. Я напрасно даже сомневаюсь. О! Она выздорове<ет>. Она восстанет от своей болезни еще лучше, еще прекраснее прежнего. Какой яркий румянец оживил ее щеки. Она будет здорова, она будет здорова! Эта свежесть, разливш<ая> по ее лицу, есть уже признак ее здоровья.

Неумолимая, знай, что моя жизнь, что всё мое помышление, желанье, надежда, всё, что похоже на счастье, всё в тебе. И ты... Не знаю, ты для каких предопределений налагаешь на себя незаслуженные цепи наказания. О, чтобы наказать себя за какой-то проступок, незначущий, ничтожный в сравнении с ангельскою жизнью. За что же другой через это должен понести всю тягость наказания? И кого же другого ты упрекаешь? Поразить меня, которого ты сама видела всю глубину любви к тебе. Нет, это не самоотвержение, это не самоотвержение, это не добродетель, это эгоизм. Я удалюсь. Немолчная глубокая тоска проточит меня. Я умру медлительною ужасною смертью. Юлия, я умру, потому что я не могу жить без <тебя>.

КОМЕД<ИЯ>. МАТЕР<ИАЛЫ> ОБЩИЕ

Старое правило: уже хочет достигнуть, схватить рукою, как вдруг помешательство и отдаление желанно<го> предмета на огромное расстояние. Как игра в наикиду и вооб<ще> азартная игра.

Внезапное или неожиданное открытие, дающее вдруг всему делу новый оборот или озарившее его новым светом.

МАТЕР<ИАЛЫ> ЧАСТН<ЫЕ>.

Не понимает и толкует по-своему, вроде метафизическое математическим.

На бесчисленных тысячах могил возвышается, как феникс, великий 19 век. Сколько отшумело и пронеслось до него огромных, великих происшествий! Сколько совершилось огромных дел, сколько разнохарактерных народов мелькнуло и невозвратно стерлось с лица <земли>, сколько разных образов, явлений, разностихийных политических <и> обществ<енных> форм пересуществовало! Сколько сект и неразрушимых мнений деспотически, одна за другой обнимало мир; рушились с своими порядками <?> целые волны народов. Сколько бесчисленных революций раскинуло по прошедшему разнохарактерные следствия! Какую бездну опыта должен приобрести 19 век!

<ЗАМЕТКА О “МОСКВИТЯНИНЕ”.>

В Москвитянине:

Нет собственно журнального движенья, для которого потребен боец.

Нет европейской общественной стороны, которую всё же интересуются иногородцы и которая, хотя в небольшой перспективе, но должна быть постоянною статьею. Иначе получатели Москвитянина полезут за ними в другие журналы.

Причины, почему можно прибавить жалованье:

Переправка, переделка всяких присылаемых статей. Хлопот и работ на три тысячи.

Досады; неприятности по всем хозяйственным частям журнала и порча крови на пять тысяч.

Выбор и перевод иностранных статей и всяких вестей ученых, литературных и других по крайней мере на три тысячи.

<ЗАМЕТКА О МЕРИМЕ.>

Мериме, бесспорно, замечательнейший писатель 19 века французской литературы. Пушкин уважал его много. Он назвал его остроумным и оригинальным писателем, а сочинения его замечательными в нынешнем униженном, жалком упадке французской литературы (смотри Сочинения Пушкина, т. IV, в Предисловии к Песням западных славян). Имя Мериме не было так часто на устах Европы, как других, менее награжденных дарами гения, но более плодovitых писателей, которые более метили на эффект и желание удивить, изумить во что бы то ни стало, которые [из-за этого поднимались на дыбы и далеко отшатнулись от истины, высокой в необходимой простоте своей]. Немного произведений вышло из-под пера Мериме, но все они носят яркую печать таланта. Много правды, много верности и в беглых и, так сказать, мимоходом рассыпанных заметках, много познаний и опыта, и много познания жизни. Его драматические сцены, вышедшие под названием Театра Клары Газюль, блестят поэтическими чертами. Многое из средних веков в них придвинуто чрезвычайно близко и почти рисуется перед глазами. Везде заключена мысль и является что-нибудь из сильных и отличительных движений тогдашних характеров. [Предлагаемое] ныне в переводе — Души в чистилище, без всякого сомнения, поразит читателя прекрасным поэтическим созданием сюжета, живым, быстрым, увлекательным расска-

зом, свежими красками Испании, тонкими наблюдениями, острыми и смелыми замечаниями>. И сколько рассыпано ума на этих немногих страницах!

Мериме, как очень легко можно видеть из всех их, вовсе не был занят тем, чтобы угождать вкусу публики. Он шел как-то совершенно в стороне. Даже предметы избирал не те, которых требовала модная потребность читателей. Кажется, его не занимали покупатели и слава. Как будто бы в одни только минуты отдыха от жизни и бездельно-делового течения дней ее писал он свои произведения. И самая жизнь его не сходится с общею жизнью Европы. Его имя не попало в современную политическую сферу. Его не слышно в палате перов. Он не публицист, нет ни одной речи, им произнесенной. Он взял себе должность инспектора памятников и древностей, рассеянных по Франции. Их обсматривать, доносить о состоянии их, исследовать и поддерживать, вот что определил он своим действием.

Мериме обладает кроме того той способностью, которая не дается французу, именно способностью схватывать верно местные краски, чувствовать народность и передать ее. Всем известно выданное им собрание славянских песен под именем Гусли. Собранием этим он поддел даже самого Пушкина, который принял их за подлинные и с такою верною простотою передал их в полновесных стихах своих. Почувствовать и угадать дух славянский — это уже слишком много и почти невозможно для француза. По природе своей эти две нации не сходятся между собою в характере. К тому же французу трудно позабыть на минуту, что он француз. С этой стороны Мериме является в своих созданиях далеко выше своих писателей-соотечественников.

<БЕЗ НАЗВАНИЯ>

<1.>

В письме твоём, добрая душа, много участия. Твой голос освежителен. Над некоторыми словами я на минуту было остановился, думая, нет ли в них обаятельного обольщения. Но нет, где движение любви, там нечистое должно быть далеко.

При работе над вторым томом только и думаю о том, как пребывать не в мире путаницы и смут, но в том светлом божьем мире, откуда светло и полно видится жизнь без путаницы и слепоты, какая окружает челове<ка>, пьянствующего в омуте и грязи современ<ной> с минутными людьми и явлениями. О, если бы то, о чем любила задумываться [душа моя] еще со дня младенчества, передать звуку и живому, определен<ному> образу, доступным всяко<му>, и в них была одна чистая истина!

<2.>

Ты испугался за меня, ты боялся, чтобы я не сделался фанатиком, успокойся. Это состояние прошло. Болезненное состояние духа заставило выразить в превелич<енном> до излишества виде то, о чем даже и не следовало говорить мне. И в душе и в мыслях всё покойно. Продолжительна благодарность <1 нрзб.>. <Я чувствую себя?>, как новый человек с светлой восприимчивостью чувств, еще не составивший никаких предубеждений. Занятия мои проходят тихо. Читаю всё выш<еющее> без меня по части русской истории, всё, где является русский быт

и русская жизнь. Перечту сызнава всю русскую историю в ее источниках и летописях. Поверю историей и статистикой и древнего и нынешнего времени свои познания о русском человеке, и тогда примусь за труд свой.

Я бы хотел, чтобы не укорил меня никто в пристрастии, а лучше, чтобы люди самые противоположных мнений сказали обо мне: “Этот человек действительно узнал русскую природу. Не скрывши ни одного из наших недостатков, он почувствовал глубже других наше достоинство. Он сказал о нас верно”. Теперь время смутное. Всякий выражается в излишестве, потому что выражается в жару. От этого сильные споры о таких предметах, которые не оглянуть ни тем, ни другим вполне. Всякий человек, уже вследствие общего природного несовершенства, односторонен, склонен видеть одну только сторону, отрицая даже и самое существование неполноты наших знаний, причины всех споров и раздражения. Нынешнее тревожное время <и> раздражен<ие> воздуха, действующее на нервы, усиливает <споры> еще более. Человек нечувствительно ожесточается.

Щупаю ежеминутно свою голову, желая знать, в порядке ли она. Спрашиваю себя, не сердит ли я на кого и не гневаюсь ли я на кого. Слава богу, покуда, кажется, нет ни против кого ничего в душе. С литератора<ми> всеми я встретился дружески, как с братьями. Я почувствовал ко всем им что-то родственное, ко всем им как людям одного звания и сословия, и не понимаю, как может существовать вражда и несогласие даже и [между теми, которые бы<ли бы> разных мнений. Разве же не все мы люди?] Разность мнений! Но что наши мнения, когда они изменяются поразительно от приобретаемых нами познаний и сведений и когда завтра же можем оглянуть тот же предмет полнее, чем обнимали его сегодня. И кто из нас будет так горд, чтобы сказать: я стою наверху своего развития, я знаю, что совершенен. Нет, мне кажется, <нужно> с трепетом, не доверяя никому, приняться за чтение всеобщей истории всего человечества.

<3.>

Труд мой всё тот же постоянный. Хочу приняться за Мертв<ые> души. Здесь мое поприще. Не мое дело заниматься тяжелыми вопросами времени и вступать в современное положение враждующих партий, положение мутное и темное, неясное даже еще следствиями и самим спорщикам. Мое дело изображать жизнь людей, живьем выставить людей и жизнь, как она есть. Почему знать, может быть, от этого уже проистечет то, что даже мнения станут определительнее. Может быть, этим мне удастся <1 нрзб.>

<4.>

О необходимости тесного соединения литераторов. Бросить все личные нерасположения и всё против<ное> мысли блага общего.

<5.>

Читай внимательно русскую историю сызнава и в то же время перечти всеобщую историю всего человечества. Перечти прежде все коротенькие курсы из укладистых, чтоб мысли приучились обнимать всё человечество как одно целое, чтобы видеть все видоизменения и образы, которые принимают общества человеческие, не теряя из виду нужного человеку.

Это чтение, [мне кажется, теперь одно может] осветить и освежить взгляды.

Оно одно может с ложной вывести на прямую дорогу человека. Смотри, сколько голов уже закружилось. Дома сумасшедших наполня<ются> с возрастающей <скоростью>. Трудно! Время опасное. Одно твердое историческое познание теперь действительно. Простое философствование закружило человека.

Мне случалось иногда слышать весьма странную мысль, что порядок вещей начался совершенно новый, что, <так как> нынешнее время не похоже <на прежнее>, то поэтому [знать] историю бесполезно. Поэтому самому и нужно теперь знание истории более полное и более глубокое, чем когда-либо прежде! Корни и семена всех нынешних явлений там.

Прими совет мой, приятель истории. Тебе будут предстоять на всяком шагу новые открытия. Мысль твоя будет излучаться светом, и ты будешь на всяком шагу <делать> находки. Не торопись с ними и не выпускай совет — не пускай их в обращение. Не пускай в ход идею, покамест она горяча. Дай всему выстояться, по крайней мере повremени, покуда не окончишь чтение, покуда не обни-мешь весь предмет от начала до конца. Поверь, ты произведешь только новый спор, недоразумен<ия> на место часто вразумления.

Люди, которые легкомы<сленны>, пусть спорят, препираются, но люди глубокие должны остави<ть споры>, отстранивши на время всякий умысел. Всё победить, откинуть все убеждения и проникнуться одним чистым желанием узнать истину с чистую, постоянною <...>

* * *

Долг — святыня. Человек счастлив, когда исполняет долг. Так велит долг, говорит он, и уже покоен.

<НОВЫЕ СТРОКИ ИЗ НАБРОСКА КО ВТОРОМУ ТОМУ “МЕРТВЫХ ДУШ”.>

Шелки-атласы, платья по сотне и по двести и более. Ни одно и не шилось в уезд. Ту снаряди<ла> мадам Тун <?>, другую мадам Кун, третью приехавшая вдруг за одним разом из Лондона, из Вены, из Парижа к нам какая-то загадочная Шприц-Флоден-Файк <?>.

Шутить, как известно, не любит наш век, а разом наденет на себя годовое пропитанье 20 семейств, да еще и похвастает благотворительнос<тью>, припе-вая: роскошь доставл<яет> хлеб работникам.